

Сергей Борисов

ОПЕРАЦИЯ «ЛОХМЫ»

и другие
неправдивые
истории

16+

Сергей Борисов

**Операция «Лохмы» и другие
неправдивые истории**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Борисов С. Ю.

Операция «Лохмы» и другие неправдивые истории /
С. Ю. Борисов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В городе Кремнегорске... самом обычном моногороде, где все зависит от местного горно-обогатительного комбината, переживающего не лучшие дни... в городе, где живут избиратели мэра и президента, в один ужасный день происходит странное событие: у людей выпадают волосы – все, начисто и подчистую. Причем не у всех кремнегорцев, но у многих, у тысяч, у мужчин и женщин. И дело не в экологии, не в злокозненных вирусах или каком-то особом загрязнении. А вот в чем дело, и что за этим прискорбным событием последовало, как оно сказалось на политическом будущем данного населенного пункта и жизни его обитателей, о том и рассказывается в повести. Также в сборнике представлены рассказы, которые все до одного ироничные, но это не значит, что обязательно веселые, потому что ирония у судьбы разная.

Содержание

Операция «Лохмы»	5
Глава первая	5
Засланцы	5
Глава вторая	11
Какой кошмар	11
Глава третья	16
Город лысых	16
Глава четвертая	22
Второй Номер	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Операция «Лохмы»

Глава первая

Засланцы

В ней не без умысла коротко и нарочито фрагментарно приводятся четыре диалога, имевшие место, соответственно, за 3, 2, 1 месяц и неделю до событий, речь о которых пойдет в следующих главах. Можно считать это прологом.

– Ваш пропуск, сэр.

Пропуск был незамедлительно предъявлен. Рука взметнулась к козырьку, и охранник отодвинулся в сторону.

– Ваш допуск, сэр.

Лазерный луч исследовал сначала подушечку большого пальца, затем зрачок глаза. Возражений от электроники не последовало, и лампочка мигнула. Охранник, как брат–близнец похожий на коллегу у внешнего контура, сделал шаг вправо. Дверь открылась.

Теперь пять минут по коридору, коротко кивая встречным, и вот они, начальственные чертоги.

– Довольно прохлаждаться! – не ответив на уставное приветствие, рявкнул человек за столом. – Слышите? Довольно!

Это была его обычная манера – с хода вогнуть человека в трепет. Подчиненного, естественно. С людьми, стоящими пусть на ступеньку, но выше на иерархической лестнице, руководство было куда сдержаннее. Что тоже естественно.

– Довольно, я сказал!

Тут главное – не выяснять, что, собственно, произошло. Тебе скажут. А когда скажут, упаси, Всевышний, перечить. Только внимать и пучить глаза. Начальство любит усердных. И безответных тоже любит. Еще больше.

– Вы завалили последнее дело. Как завалили и предпоследнее. Имейте в виду, так просто вам это с рук не сойдет.

Никто и не надеялся.

– Складывается впечатление, и не только у меня складывается, что в вашем отделе никто не работает. Даже хуже. Если ничего не делать – это полбеды. Никому никакого вреда, все идет своим чередом – вдруг само рассосется? Или не рассосется. Вы строчите доклады, изводите чертову уйму бумаги, до последнего цента расходуете отведенные вам средства, рапортуете о вербовке перспективных агентов, представляете планы эффектных операций, но результат – то нулевой! Агенты оказываются никчемными болтунами, операции скиают толком не начавшись, так что остаются одни бумажки. С ними бы в сортир, так ведь нам еще приходится тратить деньги на то, чтобы измельчить вашу продукцию. Знаете, сколько стоит утилизация поступающих из вашего отдела документов?

Тут не отмолчишься. Вопрос задан и пауза взята.

– Нет, сэр.

– И этого не знаете! Короче, вам и в вашем лице всему отделу предоставляется последняя – я подчеркиваю, последняя! – возможность реабилитироваться. Докажите, если сможете, если мозгов и силенок хватит, что вы чего–то стоите.

– Я весь внимание, сэр.

– Не перебивайте! Значит, так. Русские опять мутят воду. На словах они двумя руками готовы взяться за кувалды, чтобы разрушить – замечу, за наши деньги, – свой военно-промышленный комплекс, на самом же деле они вовсе не торопятся это делать. А ведь мы не требуем многого. И разумеется, не требуем всего. Формально наши интересы не простираются дальше тех предприятий, производство на которых остановлено из-за недостаточного финансирования, отсутствия заказов и изношенности оборудования. Русским они так и так ни к чему, мы же готовы заплатить, лишь бы они стали ни к чему и нам. Нет завода – нет проблемы.

– Как это верно. Как образно.

Вовремя польстить – искусство. Высокое искусство высокое начальство ценит.

– Увы, не все идет так, как бы нам хотелось. Более того, многое говорит о том, что русские не оставляют попыток на отдельных направлениях уйти от нас в отрыв. Вы слышали что-нибудь о Кремнегорском горно-обогатительном комбинате?

Опять пауза в ожидании ответа.

– Нет, сэр.

– Так вот знайте, что по сведениям, полученным от людей, близких к кремлевской администрации и косвенно подтвержденным демократически настроенными представителями журналистского корпуса, в Кремнегорске что-то затевается. Что конкретно, никто сказать не в состоянии, но что-то. Это настораживает. Наши аналитики долго бились над этой задачкой, и в конце концов решение было найдено. Судя по всему, русские решили передать горно-обогатительный комбинат в частные руки. Понимаете?

– Понимаю, сэр. Но не улавливаю.

– В чем опасность? Если бы вы поинтересовались, что именно обогащает означенный комбинат, суть уловили бы сразу. Хотя и тут ручаться не могу. А обогащает он... как его... ну... В конце концов, это не так важно. По-настоящему важно то, что свою продукцию, ранее предназначенную для советских оборонных предприятий, комбинат предложит покупателям с Запада, или того хуже – с Востока, или что совсем плохо – с Ближнего Востока.

– Однако, сэр, есть определенные запреты. Даже в России есть.

– Вы так считаете? Тогда объясните мне, для чего реанимировать предприятие, продукция которого самой России не нужна.

– Извините, сэр.

– То-то. Официально, конечно, ничего на международных рынках не появится. Однако это вовсе не означает, что через третьи страны покупателям не будет переправлено энное количество тонн стратегического сырья. И вот тут возникает проблема, которой предстоит заняться вам. Нужно в кратчайшие сроки выяснить, является возрождение комбината тонкой и неявной игрой российского правительства либо это инициатива каких-то иных структур.

– Вы имеете в виду русскую мафию?

– Ф-фу, что за термин, оставьте русскую мафию в покое. Она давно обитает в Нью-Йорке и хорошо себя чувствует. Впрочем, исключать, так сказать, преступный элемент тоже нельзя. И все же вероятнее, что это тайный план некоей не афиширующей целей и даже не показывающей своего лица организации. А как вам, несомненно, известно, в любой мало-мальски серьезной организации, корпорации, крупной компании в России всегда найдется, помимо талантливых финансистов и менеджеров, пара-тройка выходцев из Кей-Джи-Би. Эти люди большие мастера в плетении интриг и построении хитроумных комбинаций. А в случае с Кремнегорским ГОКом хитроумность прямо-таки сочится из всех щелей. Согласны?

– Согласен.

– Еще бы. Возможно также, что тут поучаствовали серьезные чины из российского генералитета. И персоны политического истеблишмента. У последних традиционно свой интерес – денежный. В общем, возможно все. А нужна конкретика! Кто, зачем, за сколько. Это вы и должны выяснить!

– На месте, сэр.

– Что?

– Мы выясним на месте, сэр. В России у нас есть агент...

– Надеюсь, это не новое ваше приобретение?

– Нет, он давно прикормлен и не раз оказывал нам серьезные услуги. Мы направим его в Кременгорск, чтобы он своими глазами увидел, своими ушами услышал, чтобы никаких домыслов, никаких гипотез, только факты!

– Это хорошо, если только факты. Потому что довольно с меня умозрительных заключений. Слышите? Довольно!

Как доигравшая до конца кассета, послушная реверсу, начинает выдавать все по новой, так и начальство попало в привычную колею, из которой не могло выбраться еще минут десять. По истечении этого времени, взмокший подчиненный был пущен в свободное плавание по бесконечным служебным коридорам. Свободное – относительно, поскольку истерзанная душа требовала устроить разнос собственным, вконец обленившимся подчиненным. Что и было сделано с бесконечным употреблением все того же «довольно». Так всегда в жизни: роли меняются, а словарный запас неизменен. Это успокаивает. Примиряет. Успокоило это и на сей раз, более того, вселило оптимизм, сравнимый разве что с предстоящим отлетом в Майами – к жене, детям и любовнице в соседнем мотеле.

Вечером следующего дня инструкции агенту уже шифровались, и несколько часов спустя они были изъяты из дупла старой липы, бережно хранимой им от поползновений московских озеленителей. Еще два часа спустя, ознакомившись с содержанием послания, у агента вырвалось в сердцах:

– Какая даль! О, черт!

И тут же, вслед за мыслью о вознаграждении в финале операции, восклицание вырвалось вторично, но уже с другой интонацией:

– О, черт!

Дьявольское занятие – служить чужой стране за счет собственной.

* * *

Странное дело, в кабинете, испытывавшем за последние двенадцать лет пять евроремонтов (по числу хозяев), пахло по-прежнему мерзко. Пылью и, похоже, мышами. Стены, что ли, пористые? Вряд ли. Да и облицованы. И не чем-нибудь, не пластиком, не фанерой, не оргалитом дешевым, чай не в ЖЭКе, а панелями из карельской березы. Откуда же это, с позволения сказать, амбре, из-за которого так чешется в носу и нестерпимо хочется чихнуть?

Приходилось терпеть.

– Ну-с, как дела?

Владелец кабинета был само добросердечие: у глаз гусиные лапки морщинок, губы бантиком, ручки на пузе. Даже сесть предложил. Но обманываться нельзя, себе дороже, и потому надо терпеть.

– Хорошо дела. Потихоньку.

– Это ничего, что потихоньку, – милостиво заметил хозяин кабинета. – Спешка, она только при ловле насекомых нужна, друзей дома, да и то не всегда помогает. Большие дела делаются с толком и расстановкой. Обороты надо набирать постепенно, чтобы не напортачить, чтобы до поры не перегореть. Чтобы, когда время придет, быть на пике, в полной боевой готовности. Так что у нас на... полигоне?

– Шлифуем методику, уточняем схемы, обрабатываем население. Аккуратно. Не высываемся. Ответственность свою сознаем.

– Вот-вот, ответственность! – руки расцепились, оторвались от пуза и сразу два указующих перста были водеты к потолку. Так рыбаки показывают размер упущенной рыбы. –

Думаю, не надо напоминать, что от вас, от действий вашей группы в Кремнегорске в немалой степени зависит будущее государства. Это, знаете ли, обязывает.

– Сознаем.

– Может, людей подкинуть?

– Пока достаточно. Через месяц группу увеличим до восьми человек, через два – до двенадцати.

– Смотри... Что интеллигенция?

Все, прелюдия кончилась, начался допрос. Вон, и утята от глаз куда-то разбежались-разлетелись. Прищур холодный, аж в дрожь бросает.

– Внимает. Обсуждает. Возмущается.

– Власть?

– Нервничает. Дрожит. Продается.

– Пролетариат?

– Пьет. Ждет. Надеется.

– Что пьет, это ничего, это не страшно. И что в перемены верит, тоже славно. Оптимальный вариант – когда приветствуются любые перемены. Любые! Без дальнейшей экстраполяции.

Глядите-ка, он слова новомодные знает, даром что из прежних, с «обкомовским» образованием, из «старой гвардии».

– Тут только палку перегибать нельзя, а то ведь эти трудяги на мутном глазу и разнести все могут по кирпичику. Начнут со своего ГОКа и на том не останутся.

– Не допустим. Держим руку на пульсе.

– Об этом подробнее...

Когда через полчаса ответственный за проведение кремнегорской операции покидал кабинет, начальство удостоило его рукопожатием. Потом, уже в коридоре, руку пришлось вытирать. Не помогло. От руки воняло. Ну все тут, на Старой площади, с запашком.

* * *

Кампари пить надо уметь. Знать – подо что и перед чем, сколько, а также когда и с кем. То же самое относится к куантро, мартини, сакэ, узо и прочим иноземным напиткам. То ли дело водочка! Ее, родимую, можно употреблять с равным удовольствием в любой обстановке, при каждой перемене блюд и в отсутствии таковых. А можно без закуски, на сухую, в этом тоже что-то есть, даже не что-то – многое.

– Не нравится? – участливо поинтересовался солидный мужчина в скромном на вид и оттого понятно, насколько дорогом костюме.

– Ханка лучше.

– Лучше, да только надобно соответствовать. Не на нарах. Пора предать забвению прошлое. Хазы, малины... Жаль, конечно, красиво жили, широко, однако новое время – новые требования. Надо учитывать.

– Надо, – угрюмо подтвердил собеседник и вытер жирные пальцы о скатерть. – Но не хочется.

– Что делать, – солидный мужчина сцепил под подбородком пальцы, с которых пытался, но так и не смог до конца вывести татуированные перстни. – Нам теперь самим по улицам не бегать, из ларечников деньгу не вышибать, теперь это за нас делают. Мы нынче солидные предприниматели, для нас имидж – первейшее дело.

– Так уж и первейшее.

– А выхода нет, альтернативы. Твоих орлов по кожанкам встречают, нас – по пиджакам. Так что ты свой свитерок-то смени, смени.

Угрюмый, приземистый, узколобый, красномордый, лохматый до безобразия, небритый до неприличия собеседник подвигал плечами и буркнул:

– Сменю. Вот только в Кремнегорск смотаюсь – и сменю.

– Ну и ладушки. Я тебе и парикмахера посоветую. Подскажу, к кому из модельеров обратиться, чтобы лоск навести, в какие бутики гонцов послать. А то и сам съезди.

– Не люблю я время терять.

– Время – понятие относительное. Слышал? Что на пользу, на то времени не жалко. Так Кремнегорск, говоришь? Думаешь, без тебя мальчишки не справятся?

– Зеленые. Необстрелянные толком. А там братва суровая, ее на испуг не возьмешь. Со своим запросто не расстанется. Комбинат не «лопатник». Жалко терять.

– Мы тоже не по карманам тырим. Ты к смотрящему обратись. Поможет. Человек известный, с весом.

– Обращался. Он свое слово сказал, пособить обещался, но предупредил, что там пацаны безбашенные. Совсем воровские законы не уважают. Так что терками не обойтись, чую. что по-крутому разбираться придется. Потому и еду.

– Особо не шуми. Еще пресса заинтересуется, такой визг поднимет – до столицы волна добежит. Нам это ни к чему.

– Имидж, – кивнул узколобый в свитере.

– Он самый. Если надо кого поучить – поучи. Земли у нас много, всех примет. И леса густые, на всех крестов хватит. Для примера и острастки один-два трупа даже полезно. Но весь город на уши не ставь.

– Не буду. Потому и еду, пока ребята дров не наломали. Они могут.

– Деньги возьми.

– Возьму.

– Побольше возьми.

– Побольше – то зачем? Там все задешево: девки, власти...

– Не скажи. Люди везде быстро учатся, хоть в Москве, хоть в каком-нибудь Мухосранске. Как поживу почуют, тут же цену заломят. А ты не жадничай. Я тут тебе приготовил...

Солидный мужчина показал глазами на кейс, лежащий на стуле чуть слева от него, чуть справа от собеседника.

– Рубли?

– Обижаешь.

Узколобый тут же перегнул палку в другую сторону:

– Евро?

Солидный покачал головой:

– На периферии одна уважаемая валюта – баксы. Инерция! Ну, на посошок? И в дорогу.

– Что, этой дрянью провожать будешь?

Мужчина в дорогом костюме посмотрел на бокал, подумал и щелкнул пальцами, подзывая официанта. Бросил коротко:

– Водки!

Потом они пили и с ностальгической грустью, со слезами на щеках предавались воспоминаниями о годах, когда люди были честнее, закон почитался и порядочным уголовникам с тремя ходками не приходилось ломать голову над тем, как подломить фабрику, завод или целую отрасль. Тогда и сберкассы за глаза хватало.

Засиделись допоздна. Когда уходили, расплатиться и не подумали. Ресторан принадлежал им.

* * *

– Когда нам заплатят?

Народ зашумел, заоглядывался. Это кто ж такой выискался? Не смелый – глупый.

Когда... Никто не неволит, не держит, не нравится – уходи. Новичок, поди. Можно подумать, не знал, как тут дела с зарплатой обстоят. А не знал, так сам виноват, поговорил бы с

людьми, они бы растолковали что и как. Люди, они на язык щедрые. Они бы и в долг дали, было бы что давать.

– Скоро.

Слышал, что директор говорит? Скоро. Вот сиди и не рыпайся.

Рыпнулся:

– Скоро – это когда?

Директор повел очами, выискивая в зале бузотера: где этот засланец? Нашел и произнес веско, магнетизируя взглядом:

– Мы делаем все возможное.

Вот так, все возможное. Все.

– Хоть приблизительно. Примерно.

Ему русским языком говорят, а он не понимает. Ну что за люди?

– Видимо, товарищ не в курсе наших трудностей, – устало сказал директор. – Видимо, надо объяснить. Объясните товарищу.

И ему объяснили многословно и убедительно. Потом. В обеденный перерыв, растянувшийся на два часа. А чего не растянуть, работы-то все равно нет. А ту, что есть, за час сделать можно.

Новичок оказался не новичком – просто достало все человека, вот язык и развязался. Но от самопальной бормотухи, которую гнали здесь же, на комбинате, в колбах старых огнетушителей, и он разомлел, попритих.

Таким, притихшим, задумчивым, он и отправился на подработку в бывшую лабораторию, давно приватизированную и превращенную в парфюмерный цех. Встал к перегонным чанам. Стоял прямо, а лыка не вязал. От огорчения и беспросветности. Стены экс-лаборатории угрожающе кренились, глаза застилало, в голове скакали русские тройки с бубенцами, и руки хватались за первое попавшееся, а не за то, что нужно. Ну какая тут работа, смех один, брак, а не работа.

Глава вторая

Какой кошмар

В ней с нескрываемой сердечной болью рассказывается о том, как человек, самый обычный и вполне собой довольный, вдруг спотыкается на ровном месте, и ничем до того не замутненная жизнь тут же поворачивается к нему незнакомой и жуткой стороной. И приходят вопросы – философские, вечные.

Уж лучше бы сняли скальп! Кизяков невесело усмехнулся и еще раз взглянул в зеркало. Поморщился. Отворотясь не налюбуйся.

Валентин Николаевич поторопился увести глаза в сторону, опустил на край ванны, ссутулил плечи и предался безрадостным размышлениям. Что делать? Вот бессмертный вопрос русского интеллигента! И просто – русского. Или просто интеллигента. И кто чего теперь скажет? Насмешки, издевки... Какой кошмар!

Едва не опрокинув флакон с шампунем, Кизяков взял со стеклянной полочки у ненавистного, бессердечного зеркала сигареты и зажигалку. Закурил. Горький дым не принес облегчения, но мозги прочистил.

Привычно бросив окурки в раковину, а больше одной сигареты в день он себе не позволял, Валентин Николаевич тяжело поднялся и вышел из ванной. В коридоре открыл шкаф и принялся инспектировать свой гардероб на предмет, чем прикрыться сверху. Увы, на полке не было ничего, пусть даже мало-мальски адекватного погожим дням бабьего лета – ни самой завалющейся кепочки, ни какой-нибудь дурацкой панамы. В углу, убранный в целлофановый пакет, сиротливо лежала ушанка. Но в зимней шапке сейчас на улице не появишься – за сумасшедшего сочтут, а за бомжигу бездомного.

«Может, я действительно – того? – подумал Кизяков. – Или это сон?»

Валентин Николаевич ухватил пальцами кожу на руке, оттянул, повернул, дернул и скрипел от боли. Тут и покойник проснется. И все же он провел ладонью по голове. Гладко! Что же это делается, Господи?

Он с грохотом захлопнул дверцу шкафа и направился в комнату.

Открывшаяся картина повергала в ужас. Хотя, казалось бы, все обычно, все нормально: стенка, журнальный столик в виде бочки, два кресла, телевизор. Неприбранная постель тоже не могла быть причиной появления мертвенной бледности на лице Валентина Николаевича: особой аккуратностью он не отличался, частенько оставляя неубранными смятые простыни, скомканным одеяло. Однако взгляд Кизякова был прикован именно к тахте, долгие годы служившей ему ложем. Точнее, к подушке, которая была дисгармонично черного цвета.

Вообще-то наволочка была белой, ну, может быть, чуть пожелтевшей от бесконечных стирок. Но теперь ее подлинный цвет был неразличим под слоем волос, еще вечером украшавших голову Кизякова, а теперь устилавших подушку.

Лысый! Как бильярдный шар! За одну ночь!

С трудом переставляя свинцом налившимися ногами, Валентин Николаевич подошел к тахте. Наверное, надо сходить за совком, за ведром. Он вздрогнул: в мусор? На глаза навернулись слезы, и, подняв лицо к требующему ремонта, в желтых разводах протечек потолка, он возопил:

– За что?!

В этой маленькой комнате эхо никогда не водилось – разгуляться негде, но Кизякову почудилось, что вопль его, многократно отразившись от стен, вернулся к источнику звука. «За

что? За что?» – настойчиво интересовался кто-то невидимый и злобный, явно получавший удовольствие от допроса и не ждавший ответа, который напрашивался: «За все хорошее».

До глубины души уязвленный несовершенством мира сего, в котором не было, нет и теперь совершенно ясно, что никогда не будет справедливости, не говоря уж о милосердии, Валентин Николаевич вытер набежавшую скупую слезу. За ней другую.

Как ни странно – хотя, не исключено, так и должно было случиться, – слезы принесли успокоение. Защитная реакция. Нервный сброс. Организм, травмированная психика защитила себя.

Кизяков вернулся в коридор, вытряхнул ушанку из пакета. Нахлобучил на голову. Посмотрелся в зеркало. В майке, трусах и треухе – б-р-р! Но лучше так, чем лицеизреть свой молочно-белый череп.

В освободившийся пакет он сложил волосы, стараясь не пропустить ни единой прядки. Он исследовал швы, складки, приподнял матрас, дабы убедиться, что ни одна частичка его не самой густой, с намечающейся плешью, но оттого не менее дорогой шевелюры не осталась незамеченной.

Уверившись, что собрано все до волоска, Валентин Николаевич убрал пакет на антресоли, сел и задумался: так, хорошо, пусть и ничего хорошего, и что теперь? На ум приходили всякие несуразности, к примеру, намазать голову клеем и соорудить какую-никакую прическу из имевшегося в пакете богатства. Бред! Или взять носовой платок, завязать уголки в узелки... Он представил себя в таком головном уборе и его чуть не стошнило. Убожество! Дедуля с шести соток. А тут город... Пусть не велик Кременгорск, но это по сравнению с Москвой или Питером невелик, а с какой-нибудь деревней рядом поставишь – махина. Цивилизация!

Необходимость отправляться на службу висела над Кизяковым дамокловым мечом. И ведь не отвертеться – Прохоров ждет, встречу назначил. Сказаться больным? Не пройдет. Похоже, по намекам похоже, по ухмылочкам, что-то прознало начальство про его... э-э... операцию. Вот же пакость: само химичит и с других долю требует. Все ему мало! В общем, кровь из носа, а явиться пред светлые очи ненасытного руководства надо. Коли поджидают неприятности или того хуже – траты, лучше узнать об этом пораньше, упредить по возможности первые, сгладить, отвести события в ему, Кизякову, удобное русло. Уж это он сумеет! Есть опыт. Богатый. А траты... Так он еще поторгнется!

Валентин Николаевич поежился. Сидеть было неудобно. Кололо. За внешним он позабыл о сокровенном. Волосы выпали везде, на всем теле, в том числе в паху. Он вздохнул и отправился под душ.

Упругие струи смыли с груди остатки волосяного покрова – косвенное свидетельство принадлежности к сильному полу. Хорошо, другие доказательства на лицо, в смысле – остались, не отвалились. Кизяков оглядел себя. В сохранности... Но ни волосинки. Дите! Младенчик!

Настроение стремительно катилось вниз, и не было этому склону конца.

Валентин Николаевич прошлепал в комнату, оставляя на полу мокрые следы, и стал готовиться к выходу в люди. Носки, рубашка, костюм, галстук. Подержав в руках ушанку, он выругался непечатно и запулил ее в угол, вымещая на невинном пыжике кипящую злость. Снова подошел к зеркалу, взглянул и застонал. Привычный ему и многим образ исчез. Никакой солидности! О привлекательности и говорить не приходится, поскольку сказать нечего, плюнуть только. Какая-то подозрительная личность, от такой держаться подальше – самое верное. Не зек ли, только-только откинувшийся с зоны? Даже не оброс еще!

Валентин Николаевич в изнеможении закрыл глаза. Минуту спустя сбившееся с ритма сердце заработало ровнее. И вновь вернулся вопрос: «За что?». Ответа не было, и вопрос трансформировался в «как?».

Кизяков перебирал версии, отмечая одни – самые безумные, и тут же выдвигая другие – безумные чуть менее. Может, он болен? Какой-нибудь вирус? Атипичная пневмония? Но при чем тут пневмония, особенно если атипичная? Да и победили ее. Даже в Китае победили. И волосы от нее не выпадают. Сам коньки отбросишь – это запросто. Но волосы на месте. Они, волосы, говорят, даже после смерти растут. Как и ногти. И зубы.

Перед глазами встала картина разверстой могилы, и он сам – в гробу, белых тапках и с блестящим зубастым черепом. Валентин Николаевич издал еще один стон, громче прежнего.

Вирус... Какой-нибудь новый, официальной медицине неизвестный, а военные, сволочи, никогда не признаются, что упустили из своих хранилищ. И как лечить не скажут. Военная тайна!

Но где он мог его подхватить, этот вирус? Да на улице. Вон, во всех газетах пишут, по телевизору талдычат: воздух кишмя кишит всякой гадостью! И военным, опять же, платят скудно. Сидят в своих бункерах и думать о службе не думают. О заразе всякой рукотворной, о безопасности, о людях...

Кизяков прислушался к своему организму: нигде не сбоит, не хрипит, не клокочет? Жар? Пот? Дрожь? Озноб? Исследование завершилось выводом: чувствует он себя вполне сносно, а если честно, то абсолютно здоровым, но это, вероятно, пока.

И тут его осенило, будто ударило. Неужто Людка? Нет, чепуха, быть не может. Сколько спят – ничего такого. Да и было-то у них в последний раз, припомнить, месяца два как. Или все-таки она? Стерва, где шаталась, с кем валялась – подцепила!

– Убью! – пообещал Кизяков, и ему полегчало. Своей определенностью, исключающей варианты, решение воздать любовнице по заслугам разметало иные намерения и мысли, роившиеся в голове.

Твердым шагом он приблизился к двери, глянул в глазок – на площадке пусто, только после этого отомкнул замок и вышел.

– Вот вечером и убью!

– Валентин Николаевич, вы, никак, сами с собой разговариваете?

Кизяков остановился. Соседка! Принесла нелегкая. Сейчас появится. И верно, вслед за шарканьем ног по ступеням на лестничный марш выплыла тетка в цветастом халате, еще не пожилая, но уже раздобревшая, с отечным лицом и всклокоченными патлами. Валентин Николаевич скрипнул зубами: во всяком случае, они у нее есть, патлы!

– Ой, что это с вами?

Соседка, должно быть, собиралась всплеснуть руками, да помешало ведро, которое она только что опорожнила в мусоропровод. Потому и оказалась пролетом ниже, загораживая дорогу.

– А что со мной? – призывая на помощь всю свою выдержку, бесцветным голосом поинтересовался Кизяков. Вот же, лохудра, в магазине каждую копейку считает, а ведро выносит по три раза на день.

– Ну, это... – Соседка коснулась виска – обидеть не хотела, показывала.

– Мода такая, Эдита Федоровна, – наставительно заметил Валентин Николаевич, бочком-бочком протискиваясь мимо. – Телевизор смотрите? Значит, знаете, видели. Сейчас многие голову бреют. Певцы, артисты всякие.

– Вы же не певец.

– Не певец, – вынужден был согласиться Кизяков. – А чем мы хуже? Им можно – и нам не в грех. Кстати, здравствуйте!

– Доброе утро, доброе, доброе... – закивала толстуха, со всей возможной бестактностью разглядывая соседа, представшего перед ней в столь экзотическом виде.

– И до свидания! – сказал Кизяков. Одолев неожиданную преграду, он запрыгал по ступенькам, что в его сорок четыре было уже не просто, но еще позволительно.

– С волосами было лучше, – нагнал его голос соседки.

Кизяков, получив такой удар ниже пояса, причем сзади, вылетел на улицу. Под козырьком подъезда притормозил, остановился, достал из нагрудного кармана солнцезащитные очки и приладил их на мясистом носу. Бровей и ресниц у него тоже не было! А так какой–никакой камуфляж, да и глаза уводить–прятать за темными стеклами сподручнее

Вдохнув поглубже, Валентин Николаевич досчитал до десяти и вышел во свет божий.

Мягко пригревало солнце. Шелестели желтой, подсохшей и оттого звонкой листвой деревьев. Важно разгуливали по асфальту голуби. Со стен домов, увешанных предвыборными плакатами, улыбался народу нынешний мэр Кремнегорска Владимир Никифорович Рваков, которому очень хотелось остаться в этой должности еще на четыре года. Его соперник господин Дубовский, президент Ассоциации представителей малого бизнеса, улыбался с плакатов куда реже. Потому что малого... Короче, мир и покой царствовали вокруг.

Валентин Николаевич чувствовал себя отщепенцем. «Как хороша жизнь! – думал он, отчаянно жалея себя. – Радуйся каждому мгновению, человек. Оно прекрасно! Кто сказал? Кто–то... И я. Потому что согласен целиком и полностью. Да–да, радуйся, не делай плохого и не помышляй о плохом. И все у тебя будет хорошо! Тогда не воздастся тебе по грехам твоим – наградят по заслугам. А мне воздалось! Меня отторгли – бытие, судьба, Всевышний, – наказали за провинности, изгнали из круга. И поделом».

Терзаемый раскаянием, Валентин Николаевич шел к автобусной остановке, упорно глядя себе под ноги. Он не поднимал глаз, страшась сквозь стекла очков встретить чей–то удивленный взгляд, увидеть чьи–то трясущиеся в хохоте губы. Уж он бы не преминул посмеяться...

Ему было страшно. Как в детстве, когда страх накрывает с головой, и спрятаться от него можно только по одеялом. Страх переполнял его, заставляя втягивать голову в плечи, не в жалкой, безнадёжной попытке укрыть свое уродство, а в ожидании этого беспощадного смеха, который вот–вот хлестнет по спине семихвостой плетью.

И все же глаза поднять пришлось. Иначе как перейти дорогу? Пускай он изгой, но жить хочется и отверженным!

Машины неслись, обдавая человечество ядовитыми выхлопными газами. Торопились пешеходы. И никто не обращал на него ни малейшего внимания! «Это как же? И этого не достоин?» – даже обиделся Кизяков, но потом приободрился, распрямил плечи, с независимым видом глянул по сторонам и... сделал стойку.

По тротуару семенил мужчина. Лысый! В черных очках.

А вон пацан. Тоже лысый! Вообще–то от юной поросли сейчас всего можно ожидать, стрижки «под Котовского» в том числе, но отчего тогда темные очки в пол лица? И походка напряженная.

А вон еще лысый в очках!

И еще! Без очков. Но без бровей и, кажется, без ресниц. Идет, качается. Пьяный.

Увиденное радовало. Валентин Николаевич закрутился волчком, жадно выхватывая из толпы лишенных растительного покрова сограждан. Их было много. Он и не предполагал, что их так много! Значит – что? Живем, братцы!

Кизяков одернул себя. Хромой и в толчее выделит хромого, горбатый – кривобокого. О чем это говорит? Об избирательности взгляда. Так женщина всегда заметит нахалку, что посмела надеть такое же платье. И все–таки... Слишком, чересчур много лысых. Стопроцентных!

Валентин Николаевич приосанился, вмиг забыв о коварных вирусах и Людке–изменщице. Страх и раскаяние за свое несовершенство неумолимо таяли, пока не исчезли без следа. Жизнь обретала и обрела прежний – истинный! – смысл.

Так–то, граждане, теперь он может снова смело смотреть в будущее, оставляя прошлое там, где ему и надлежит находиться, позади. Вперед и только вперед! О–го–го, он еще всем

покажет, кто такой Валентин Николаевич Кизяков! Вы думаете, скромный инженер с полуживого комбината? Черта с два! Погодите малость, и вы еще попляшете под его дудку, снизу вверх смотреть будете, уважать и бояться. Да, бояться, как же без этого? В отличие от собственного, чужой страх обычно приятен. Не случайно же садистов куда больше мазохистов.

Валентин Николаевич пыжился, а в такие минуты он всегда заглядывался на женщин. Ну неужели не понимают, дуры, какой перспективный мужик перед ними?

Он и сейчас высматривал симпатичные мордашки, ощупывал взглядом фигуры. Вот, например, очень даже ничего крали. И стать, и личики. Отчего насупились, лапочки, чего бровки под косыночки спрятали?

И тут Кизяков оцепенел. Платок соскользнул с головы одной из девушек. Она была лысой!

Что – опять мода, будь она неладна? А почему глаза зареванные?

Валентину Николаевичу стало дурно.

Глава третья

Город лысых

В ней повествуется о борениях оптимизма с иными чувствами человека, попадающего из огня да в полымя. А также предлагаются версии происхождения напасти, обрушившейся на Кремнегорск. Ну и кое-что еще по мелочи, что в дальнейшем мелочью быть перестанет.

Когда в голове прояснилось, девушки были уже метрах в пятнадцати. Платок-предатель был водружен на место, однако теперь переливчатая с блестками ткань уже не могла ввести Кизякова в заблуждение. Он знал, что под ней. Ничего!

Плечи подружек задержались от рыданий; у той, чей платок пока прочно удерживался на голове, несмотря на ее возмутительную гладкость, нет сомнений, тоже были веские основания для слез.

Валентин Николаевич смотрел вслед несчастным, и в нем не было оскорбляющей и унижающей (по Горькому) человека жалости. Возможно, при иных обстоятельствах он бы почувствовал оставшимся без локонов экс-красавицам, но не сейчас. В данную минуту его мысли были заняты другим. Он думал о самом дорогом – о себе, и, как следствие, о том, насколько опасно заболевание, которое он умудрился заполучить.

Страх, вроде бы покинувший его, чуть-чуть сменив личину, вновь вползал в душу. Он прислушался к себе. Нет, ничего не болит, нигде и ничего. Это хорошо или уже что-то отмирает там, внутри? Может, навсегда, без надежды на выздоровление, оттого и не реагирует? Жуть какая. Кизяков смахнул со лба капли холодного пота и попытался ободрить себя: «Спокойно, Валя, без паники. Все функционирует, все исправно, тебе просто мерещится».

Успокоение не приходило, поскольку было очевидно, что пусть не серьезное нарушение, но маленький сбой в его организме имеет место. Маленький? Это что же, потерять все волосы до последней шерстинки в паху – мелочь, пусячок-с? Я не согласен!

Вместе с тем, и Валентин Николаевич не мог этого не сознавать, все могло обстоять много-много хуже. Насколько хуже, этого Кизяков не знал. Возможно, болезнь коснулась его лишь краешком. А возможно, облысение – это только начало. Первый внешний признак. Где бы разузнать все в деталях? Радио! Как же он сразу, дома еще, не сообразил. Ведь наверняка захлебывается. Как же, такая новость. Сенсация! Катастрофа!

Руки стали липкими. Липкой, похоже, стала и голова. Это требовалось запить. Иначе не выдержать.

Валентин Николаевич свернул к ближайшему кафе, от двери прошел прямо к стойке и бросил коротко и ясно:

– Водки!

Юноша бледный со взором горящим выхватил из-под за стойки рюмку, на что Кизяков отреагировал мгновенно:

– Мало!

Появилась рюмка другая – побольше, пузатенькая.

Водка маслицем скользнула по горлу. Валентин Николаевич ждал. Наконец в животе потеплело. Ласковая волна побежала вверх, к голове. Стало легче. Кизяков кинул в рот несколько орешков арахиса с блюда на стойке и поглядел по сторонам.

В кафе почти никого не было. Только угловой столик оккупировала компания самого угрожающего вида. Три бугая в черных кожаных куртках, стриженные «ежиком», с одинаково скошенными подбородками и расплюснутыми на ринге носами, внимали человеку старше их

по возрасту, да и по положению, очевидно, тоже. Красномордый, широкоплечий, в свитере непонятого оттенка, он через губу ронял слова, не считая нужным понижать голос.

– Ты, Черняшка, к Сфинксу пойдешь. Он тебя на терминале за комбинатом ждать будет. Скажи, последнее предупреждение ему, больше никаких разговоров, в следующий раз со шпалерами явемся.

– Сейчас волыну с собой брать?

– Глухой? В следующий раз.

– Не привык я пустой ходить.

– Перо прихвати. Для уверенности. Только не вздумай сгоряча порезать кого. Потом потетишься.

– Так чего ходить, если все равно они от своего не отступятся? Может, сразу?.. – Бугай по кличке Черняшка, он был чернявенький, обветренный, выставил указательный палец и оттопырил большой, тут тебе и ствол и курок.

– Нет, – сказал красномордый. – Порядки не нами заведены, не нам и нарушать. Мы – не они, мы закон уважаем. Положено три предупреждения, столько и будет. А ты, когда базарить будешь, нос по ветру держи. Если что, сигнал дашь. Мы поблизости будем. Начнут дергаться – подвалим, пособим.

– Черняшка верно говорит, – подключился к разговору другой бугай, а третий промолчал, кивнул только. – Сами они с комбината не уйдут. Опять же связи наработаны. У них и в милиции «крыша» есть, и в мэрии. Спокойно себя чувствуют, уверенно. Думают, что отобьются.

– Это мы еще поглядим, отобьются или нет, – нехорошо ухмыльнулся красномордый. – Мы тоже не первый год в законе. И «капусты» у нас поболее. А связи... Еще неизвестно, у кого они покрепче да повыше. На каждый гвоздь свой молоток найдется. Тюк по шляпке – и в дамках. А ты чего пялишься, гляделки жмут?

Вопрос был обращен к Кизякову. А ведь непохоже было, чтобы красномордый на него посматривал.

– Я – ничего, – пролепетал Валентин Николаевич и метнулся к выходу, с ужасом видя, как три бугая встают с намерением заступить ему дорогу. Но приподнялась рука красномордого, пальцы сжались, кулак вошел в соприкосновение со столешницей, мол: «Ша». Бугаи так же синхронно стали опускаться. Дисциплина, однако. И тренировка.

Кизяков рванул на себя дверь и не утерпел – оглянулся. Красномордый водил разжавшейся рукой по голому черепу, точно искал чего-то, и Валентин Николаевич подумал, а подумав, понял, что не ошибся: пожалел его бандит, как собрата по несчастью пожалел.

Оказавшись на улице, Валентин Николаевич не стал медлить, чтобы, к примеру, послушать, как нежно и ласково играет ветер опавшей листвой, а заторопился к павильону автобусной остановки.

«Что они там про комбинат толковали?» – пытался вспомнить Кизяков и не мог, потому что толком сказано ничего не было. Бугаи подхватные, конечно, своего облысевшего безбрового пахана понимали, ему же оставалось только догадываться. Правда, кое-какие слухи уже с месяц ползали по городу, дескать, братва – местная и залетная – не пришла к консенсусу и вскоре ожидается большая война за передел собственности. Но к слухам этим никто не то что внимания, даже интереса особого не выказывал. Мало ли обо что люди языки чешут! У нас свои проблемы. Да и треп это все, сплетни. Так вот, оказывается, не сплетни и не треп. Похоже, комбинат и впрямь на кону. Глядишь, руководство сменится, новое придет по дорожке, расчищенной такими вот мальчиками в кожанках. И что самое неприятное, эти перемены могут существенно осложнить жизнь инженера Кизякова! Одно дело – старое начальство, тот же Прохоров, жадный и глупый, совсем другое – молодые волки, новая метла. Но это еще поглядеть надо, чья возьмет.

Решив обстоятельно подумать об этом... нет, не завтра, а позже, Кизяков вновь вернулся к наболевшему. Хотя у него ничего в данный момент по-прежнему не болело.

«Худшее позади! – твердил Валентин Николаевич. – Худшее позади». Нет, он никогда не поверит, что его счастливая звезда закатилась. Она все там же, на небосклоне, и потому ничего по-настоящему жуткого с ним произойти не должно. Что-нибудь малоприятное – да, гадость какая-нибудь, пакость от ближнего, это, значит, чтобы нос не шибко задирает, но действительно серьезное, смертельно опасное – ни под каким видом. Он же счастливчик! Ему всегда везло! Любимый балованный сын. В школе – отличник. В институте – «красный» диплом. После он тоже быстро в горку карабкался. Пока заминка не случилась. Это все Ирка, супружница разлюбезная. После развода все забрала подчистую, с голым брюхом по миру пустила, добро еще, на квартиру его прежнюю, холостяцкую, не покусилась. И папаша ее, живоглот-чинуша, козни строил, пока не добился своего – вышибли бывшего зятя из мэрии, это еще до Рвакова было. А ведь сначала тащил из кресла в кресло, карьеру родственнику строил. Но ушла доченька от мужа-пропойцы, сразу все хвалебные слова позабыл – и под зад коленом. Кто-то скажет: невезуха. Ничего подобного! Это если бы он с «беленькой» не завязал, вот тогда... А так – все к лучшему! Ирка-то, уродина, у него на ногах гирей висела, изводила нытьем да болячками надуманными, и все-то у нее не так, все не эдак. Он потому и пить начал, что рожу ее плакси-вую по трезвянке видеть не мог. А как один остался, снова стал меру соблюдать, а все прочее с нуля начал. Сейчас вот простой инженер на комбинате, его и туда-то взяли от безысходности, без оглядки на мэрию, потому как бегут люди с этого гиблого места. Невелика должность: и. о. зам. зав. – зато планы какие! Громадьё! Еще немного, чуть-чуть еще – и на вершине! Или рядом с ней. Если ничего не помешает...

Нет, Валентин Николаевич мотнул головой, меня так просто из седла не выбьешь. Никакая хвороба не возьмет! Других скушает, мной подавится.

Автобуса пришлось ждать. Чтобы не увидеть чужих издевательских глаз, Кизяков уткнулся носом в стенку павильона, вернее – в плакат, призывающий избирателей вновь отдать голоса за верного слугу трудящихся, бескорыстного радетеля их интересов Владимира Никифоровича Рвакова.

До дня изъявления воли народа оставались считанные недели, и мэр развил столь бурную деятельность, что это поневоле извлекало из памяти прошлую избирательную кампанию. Тогда Рваков тоже мурлыкал со стен и телеэкранов, встречался с представителями трудовых коллективов и общественных организаций, обещая разом покончить с коррупцией – это во-первых, оживить производство – во-вторых, и вообще в кратчайшие сроки превратить Кремнегорск в рай земной – это в-третьих и в-последних.

Избран Владимир Никифорович был с огромным перевесом, с большой помпой сел в кресло мэра и мало-помалу предал забвению свои обещания. За исключением тех, разумеется, которые давал родственникам, друзьям и влиятельным лицам, обеспечившем ему спонсорскую поддержку. Об этих помнил. Не позволяли забыть.

Жить при Рвакове, по правде сказать, хуже не стало, поскольку хуже было некуда. Но и не лучше. Но главное – не хуже. По российским меркам это немало. А потому при соответствующей обработке электората Рваков имел солидные шансы сохранить за собой нагретое филейной частью кресло. Способствовать этому, как шушукались в Кремнегорске, помимо местных умельцев, должна была парочка специалистов из Москвы, собаку съевших на формировании общественного мнения, промывании мозгов, короче, на всем том, что называется «грязными технологиями». Такое внимание центральной власти к заштатному городу, каких сотни, изрядно льстило кремнегорцам, и хотя кое-кто из интеллигентов-строптивцев соби-рался «из принципа» голосовать против, в конечной победе Владимира Никифоровича – бывшего обкомовца и предпринимателя, отца семейства и потомка раскулаченных донских пере-

селенцев, гордившегося не знакомым с сединой казачьим чубом, никто не сомневался. И уж конечно, не сомневался такой циник, как Кизяков.

– У тебя люди волосы теряют, а ты все скалишься, кудрями трясешь, – вполголоса сказал Валентин Николаевич. – Сука!

Он бы выдал еще что-нибудь колоритное и совсем непечатное, но тут подошел автобус. Толпа прихлынула к открывшимся дверям, как волна к крутому берегу.

– Вы будете садиться?

– Буду!

Старичок, переминавшийся с ноги на ногу и норовивший в числе первых проскочить в двери, отпрянул, перепуганный агрессивностью Кизякова. Отшатнувшись, дедок задел женщину с безразмерной «челночной» сумкой. Та вскрикнула. Народ загомонил. Валентин Николаевич между тем поднялся по ступенькам в салон. Свободных сидячих мест не было, и он пристроился в уголке, чтобы не быть покалеченным в давке уже не орущими, но еще шипящими пассажирами.

Старичок все-таки проник в автобус. Более того, оказался в каком-нибудь метре от Кизякова. И это ему Валентин Николаевич стал обязан тем, что в салоне завязался разговор на интересующую его тему.

– Травит, значаца, нас власть нынешняя, – ни к кому конкретно не обращаясь, громко и отчетливо проговорил старичок.

После паузы молодой голос спросил:

– Это как же понимать, дед?

– А чего тут понимать? Не нужны мы ей, рты лишние, вот и травит.

– Это в каком смысле? – потребовал дополнительных разъяснений тот же голос.

– Волосы у людей выпадают! – не задержался с комментарием дедок. – Потом ногти выпадают, потом еще что-нибудь.

– Что – «еще»?

– То мне не ведомо. Это ей, власти, известно. А мы люди простые, тихие, послушные, мы проживем и поглядим, что дальше будет. – Старичок смиренно потупил лукавые глазки. – На все воля Божья.

Больше он рта не открывал, да это и не требовалось. Детонатор из него был хоть куда, так что взрыв получился отменным.

За время, что Валентин Николаевич провел в автобусе, то есть за неполных четверть часа, он узнал много для себя нового. В частности: что во всем, и в этом тоже, виноват Путин, который пришел, а может, Ельцин, который ушел; что во всем виноваты Зюганов и коммунисты; что всему виной Жириновский со товарищи; что без Явлинского, иных господ-демократов здесь точно не обошлось. А также что обрушившаяся на город беда – это: диверсия ЦРУ, акция КГБ (или как их теперь там?), операция военных, эксперимент вконец спятивших ученых. Кто-то со знанием объяснил, что в двенадцати километрах от города произошла экологическая катастрофа и что волосы – это цветочки, ягодки впереди, сыпь то есть, язвы-фурункулы, в общем, дрянь всякая, дрянь жуткая. Что касается количество пораженных таинственной болезнью, оно колебалось в весьма вольных пределах – от нескольких сот до многих тысяч. Справедливости ради надо заметить, никто в автобусе не объявил, что больны все поголовно, весь город, все сто десять тысяч индивидуумов, составляющих его население. Вероятно, подобному заявлению воспрепятствовало то обстоятельство, что абсолютное большинство находившихся в автобусе инфицированы не были. Более того, не природно лысым (на одном из сидений расположился дядька с лоснящимся черепом, но окладистой бородой), но лысым вследствие творившегося в городе безумия, а происходящее смахивало на фантазмы умалишенного, был лишь Кизяков. На него поглядывали с сожалением, когда же заговорили о фурункулах – то и с состраданием. А вот когда кто-то высказал предположение, что неведомая зараза передается воздушно-капель-

ным путем, сострадание уступило место опаске. Незамедлительно произошли общее шевеление и рокировка, и через минуту Валентин Николаевич при желании мог бы пуститься в пляс – свободного пространства для этого было предостаточно.

Автобус затормозил, открылись двери, и Кизяков двинулся к выходу по коридору со стенами из вжавшихся друг в друга пассажиров.

Прежде чем освободить их от своего присутствия, Валентин Николаевич остановился перед старичком-баламутом, наклонился и дунул деду в лицо. Спросил с улыбкой:

– Страшно?

– На все воля Божья, – заученно отгарабанил старичок.

– Ты и сам не плошаешь. Развлекаешься?

В глазах старичка заплясали чертики. Кизяков подмигнул нарушителю спокойствия и вышел. Сзади раздался вздох облегчения.

Валентин Николаевич победно улыбался. Несмотря на неутешительные прогнозы и общую упадническую атмосферу, он не утратил ни оптимизма, ни веры в свою счастливую звезду. Вместе с тем он не собирался довольствоваться досужей болтовней пассажиров какого-то задрипанного автобуса. Ему были нужны не домыслы – факты! Предоставить их могло лишь радио и интернет. Ну не ждать же вечерних трансляций местного телевидения!

Кизяков перешел через дорогу и, срезая угол, углубился в жилой массив, состоящий из пятиэтажек-близняшек хрущевской эпохи, заселенных большей частью работниками горно-обогатительного комбината. Вернее, при нынешней-то безработице, бывшими работниками.

Так было короче – минут на десять скорого шага, хотя смельчаку, выбравшему этот путь, и приходилось скакать через змеящиеся по дворам траншеи. На памяти Кизякова их отрывали уже шестой, нет, седьмой раз. Конечно, по бульвару, вдоль опрокинутых урн и пустых рам, в которых не так давно красовались портреты ударников производства, идти было пусть дольше, зато безопаснее, однако для Валентина Николаевича время сейчас было определяющей величиной. Поэтому он мужественно прыгал через канавы; преодолевал рвы по шатким доскам, балансируя отведенными в сторону руками; пересекал, встав на каблучки, никогда не высыхающие лужи.

До административного корпуса ГОКа оставалось не более двухсот метров, когда внимание Кизякова привлекли нестройные крики, никак не вязавшиеся с сонной одурью квартала.

Валентин Николаевич никогда не подошел бы к надсаживающимся бабам, плотной группой осадившим двери какой-то мастерской, если бы... Среди них не было простоволосых! Все головы прикрывали либо платки, либо шляпки самых немислимых фасонов. Не ему объяснять, что это означало.

– Что происходит? – Валентин Николаевич тронул одну из женщин за локоть. Та обернулась. Кизяков приготовился к ушату словесных помоев, но их не последовало. Лицо женщины смягчилось, а глаза, мгновение назад горевшие яростью, ощутив лысую голову инженера, вдруг потускнели, словно подернулись пленкой. Слезами, что ли?

– Ладно, записываю, – устало сказала она, доставая и слюнявя истинный раритет – чернильный карандаш. – Давайте руку. Сто тридцать шестым будете.

Валентин Николаевич, как загипнотизированный, протянул руку, но тут же опомнился и спрятал ее за спину. Ох уж эти очереди! А ведь мнилось, канули в Лету. Рынок таперича, всего навалом, были бы деньги.

– Простите, не могли бы вы объяснить... – начал он, но тут женщину окликнули, и она ввернулась в самую гущу наэлектризованной толпы.

Предстояло разбираться самому. Женщинам было не до него: они выясняли, кто за кем стоял и какой список считать действительным – утренний или составленный полчаса назад.

– Отмечаться надо было! – гаркнула бабища гренадерского роста, когда худенькая, интеллигентного вида поборница «утреннего» списка попыталась объяснить, что ей надо было отвести детей в школу. – Мне твои проблемы до фени!

Кизяков пробился к двери, с которой хлопьями слезала краска. Вывеска сбоку гласила: «Постижерная мастерская». И ниже маленькими буквами: «Парики и шиньоны».

Его схватили за руку, и вооруженная чернильным карандашом дама требовательно спросила:

– Ну что, будем записываться?

Валентин Николаевич успокаивающе улыбнулся:

– Какой я вам конкурент? Коли надумаю, так по-простому, в магазин.

– Ха! – презрительно бросила женщина с карандашом. – Там сразу после открытия все подчистили. Стали бы мы тут хороводиться, если бы хоть где-то что-то осталось.

Зазвенело разбитое стекло. Из зарешеченного окна рядом с заветной дверью некто невидимый прокричал:

– Гражданки! Прекратите безобразничать. Волосы кончились. Заказы не принимаем.

– Ах, ты дрянь! – заорала баба-гренадер.

– Ах, ты гадина! – вторила ей интеллигентка, из-за детей упустившая свою очередь.

Гвалт, шум. Несчастные женщины на глазах теряли над собой контроль. Штурм казался неизбежным. И тут, разбрызгивая грязь и вскидываясь на колдобинах, к толпе подлетел побитый ржавчиной «уазик», из которого появились пять омоновцев с автоматами.

– Охолонь, бабоньки! – рыкнул здоровенный детина в комбинезоне, бывший, видимо, за главного. – Р-разойдись!

– Я сейчас разойдусь! – выступила навстречу Гренадерша. – Уж я тебя охолону!

Бог весть, чем бы закончился поединок явно равных по силе противников, но вдруг все перекрыло истошное:

– Петя!

Девушка в шляпке «пирожком» кинулась к омоновцу. Упала ему на грудь.

– Что ты, Варюша? – растерялся детина. – Ты зачем тут?

– Любить-то будешь? – глотая слюги и слезы, спросила девушка. – Я же теперь... – Она стащила «пирожок».

В наступившей тишине было слышно, как где-то кто-то монотонно лупит железом по железу. На комбинате, наверное. Что-то ломают. Или воруют.

– Эт-то что? – заикаясь, проговорил омоновец.

– Ты ж на дежурстве. Не знал ничего. Утром...

И последовала сбивчивая – с пятого на десятое – история, как две капли похожая на ту, которой, поинтересуйся кто, мог бы поделиться Кизяков. Под конец несчастная поведала о «подметенных» магазинах и гнусном самоуправстве хозяйки постижерной мастерской, наверняка придерживающей готовые парики и заказы на оные для своих знакомых.

– Ладно, дома договорим, – сказал помрачневший лицом детина. Повернулся к подчиненным: – В машину. Уезжаем.

– Куда? – завопили из окна мастерской. – А мы как же?

– Сами выкручивайтесь, – отрезал омоновец.

«Уазик» фыркнул мотором, скрипнул, взвизгнул лысыми («И тут! И тут!!!») – отметил Кизяков) покрывками и умчался.

За дверью мастерской затопали, застучали. Обороняющиеся строили баррикаду. Лица потенциальных клиенток осветились мстительными улыбками.

«Так, – подумал Валентин Николаевич, – сейчас начнется беспредел».

Глава четвертая

Второй Номер

В ней приводится пример, даже несколько примеров того, как легко и просто манипулировать потерявшими привычные ориентиры людьми, а также как важно прислушиваться к внутреннему голосу, советы которого обычно настолько же своевременны, насколько и ценны.

Как-то разом женщины заговорили, а потом и закричали. Цепная реакция. Массовый психоз. Плавали – знаем.

В руках появились обломки кирпичей, благо этого добра вокруг было навалом, как черепков на древнегреческих руинах. Зазвенели, рассыпаясь, стекла в окнах. Загудела от каменного града дверь.

– А мы их тараном! – громовой рык бабы-гренадера с легкостью заглушил истерическую многоголосицу. Все оторопели, но это было затишье перед бурей.

– Круши! – крикнула интеллигентка и ухватилась за скамейку, врытую у крыльца. К ней присоединилась Гренадерша, и сиденье затрещало, заскрипело выдираемыми гвоздями.

– Пошла, родимая!

Распиленная вдоль сосновая колода, лишившись опоры и поддержки, свалилась под ноги заходящимся от восторга женщинам. Десяток рук протянулись к тяжелой плахе, и разъяренные фурии с тараном наперевес двинулись к дверям мастерской.

Кизяков тем временем отступил на безопасное расстояние и хотел было совсем ретироваться от греха подальше, но тут он услышал голос! И глас сей повелел вмешаться, прекратить беспорядки, указав, что именно нужно делать и что при этом говорить.

Валентин Николаевич бросился вперед, поднырнул под таран и грудью прикрыл дверь. После чего воздел руки:

– Остановитесь!

– Уйди, зашибем! – выдохнула Варюша, потерявшая в сутолоке шляпку–«пирожок». Солнечный зайчик скользнул по ее лишенной растительности голове и перепрыгнул на лыжную шапочку, маячившую рядом, где и затерялся в сплетении шерстяных ниток.

Обладательница шапочки прошипела:

– Отвалите, мужчина! Подобру-поздорову.

– Заклинаю! – не так уверенно повторил Кизяков, пока еще мягко пеняя себе, что пошел на поводу у Второго Номера.

Так Валентин Николаевич называл нелюдь, затаившуюся в нем где-то в районе селезенки (по анатомии в школе у Кизякова была твердая четверка). Дала она о себе знать вскоре после ухода Ирки, когда ее бывший супруг решил завязать с пьянкой. О, это была история!

Поначалу у него ничего не получалось. Валентин Николаевич раз за разом срывался, и наконец стало ясно: без сторонней помощи не обойтись. Так что, кодироваться? Или погодить?

К докторам Кизяков относился с большим пиететом, но с неизмеримо большим к знахарям и всякого чина-звания экстрасенсам. Поэтому стопы свои он перво-наперво направил к рекомендованному знающими людьми прыщавому молодому человеку, который по обхождению и дипломам на стене тянул на доктора, а по запрашиваемой плате – на колдуна-шарлатана.

Может, жадный до денег иллюзионист-самоучка, а может, и вправду экс-доктор, уставший тянуть от зарплаты до зарплаты, но гипнозом молодой человек владел виртуозно. Всего несколько секунд Валентин Николаевич смотрел на качающийся перед глазами серебристый шарик и... отключился. Что ему толковал эскулап, в чем убеждал, осталось неизвестно.

Проснувшись после повелительного щелчка пальцами, Кизяков, однако, никаких перемен в себе не ощутил. Хотелось выпить! Ему бы вспылить и потребовать задаток обратно, но молодой человек опередил пациента, сказав, что завтра состоится второй сеанс, а пока вот вам, гражданин, бутылочка с отваром, каким еще его бабка недужных пользовала. Как потянет заложить за воротник, вы из склянки отхлебните глоток-другой, больше все равно не сможете, вам и расхочется, и вообще полегчает.

В этом молодой человек солгал – что полегчает. Выйдя на улицу, Валентин Николаевич уперся взглядом в витрину магазина, заставленную разнокалиберной стеклянной посудой, естественно, не пустой, и тут же потянулся за снадобьем. Отхлебнул – и его едва не вывернуло. Большой мерзости он в жизни не пробовал. Какая уж тут легкость! Легкость, это когда все в тебе поет и жизнь в радость. А когда в желудке помои плещутся, на душе тоска и оттого весь свет не мил – это, извините, мрак кромешный.

Но выпить расхотелось. Это правда.

Кизяков, впрочем, не спешил обнадеживаться. Даже напротив.

Скепсис – извечная беда образованных людей, а у Валентина Николаевича высшее образование было. «Если он такой всемогущий, если все рецепты знает, отчего прыщи не выведет?» Этот аргумент казался неопровержимым, и к следующему утру Валентин Николаевич уже жалел о бессмысленно потраченных деньгах и времени. Однако на повторный сеанс все-таки пошел. Возможно, надежда побороть «зеленого змия» еще не умерла, еще корчилась в предсмертных муках. Возможно также, Кизякова грела надежда иная – вернуть уже уплаченное мошеннику.

Снова шарик перед глазами, снова сон без сновидений, пробуждение, а вместе с ним ясное понимание того, что отныне даже мысль о том, чтобы пропустить рюмочку, не посетит его основательно прочищенную голову.

– Вот и все, – сказал молодой человек и скovyрнул корочку с прыща на носу. Была у него такая привычка – скovyривать, Кизяков заметил.

– А со снадобьем вашим что делать? – спросил Валентин Николаевич, отсчитывая остаток оговоренной суммы. – Там осталось.

– Унитаз есть? Вылейте. Оно вам больше не понадобится.

– Никогда?

– Гарантия! Вас предупреждали.

Тут бы и веселиться, дышать полной грудью, но не прост оказался молодой колдун, ох, не прост. Жулик, честное слово. Потому что к вечеру Валентин Николаевич понял, что ему не хочется не только выпить, он вообще не в состоянии пить. Водопроводную воду – и ту! Человек же без жидкости, как известно, не может. Вот и Кизяков не смог, и спозаранок, мучимый жаждой, побежал по известному адресу.

Его ждали, и нарочито округленные от поддельного изумления глаза экстрасенса не могли ввести в заблуждение.

– Что случилось?

Так и так, объяснил Валентин Николаевич.

– Какой у вас организм, оказывается, сложный, – молодой человек рассеянно почесал прыщавую щеку.

– Сделайте что-нибудь! – взмолился Кизяков.

– Конечно, сделаем, но не исключен рецидив, а я, знаете ли, все по командировкам, все по стране. Нарасхват, знаете ли.

– А с гарантией? – ввернул заветное слово Валентин Николаевич.

– Это обойдется вам... – Алчный колдун назвал цифру, и Кизяков вздрогнул, а когда перестал вздрагивать, сказал:

– Согласен. Только вот что, раз такое дело, если все равно кое-что возвращать будете, то верните побольше. Пускай у меня мера будет, ну, три рюмки, а вот дальше – барьер. Так можно?

– Можно. Но деньги вперед.

Третий сеанс был самым непродолжительным, и хотя Валентин Николаевич вновь ничегошеньки не помнил, но на часы взглянуть до и после сообразил. Краткость сеанса, тем не менее, на его действенности не сказалась. Занавес был приподнят ровно настолько, насколько требовалось, в чем Кизяков убедился немедленно, жадно опорожнив бутылку минеральной, а потом выпив по настоянию колдуна три рюмки коньяка, надо заметить, весьма посредственного, приобретенного, должно быть, специально для таких вот процедур.

– Может, четвертую? – растянул губы в змеиной улыбке молодой человек.

Занавес опустился с грохотом.

– Нет, – ответил вымученной улыбкой пациент. – Спасибо.

Все-таки есть настоящие профессионалы в нашем Отечестве! Есть, потому что с того дня Валентин Николаевич знал меру, и мера та была на счет раз-два-три, а больше – ни-ни. И еще кое-что узнал Кизяков...

Что делал с его мозгами колдун, какие темные силы призывал на помощь, чтобы одолеть тягу Валентина Николаевича к спиртному, но он явно переусердствовал, и теперь уже не специально. В Кизякове кто-то поселился! Кто-то шибко умный и порой весьма разговорчивый. Первый раз услышав внутренний голос, Валентин Николаевич перепугался так, хоть «караул» кричи. Потом успокоился, потому что голос, позже получивший имя собственное – Второй Номер, говорил вещи здравые. К тому же, несмотря на высокомерие, приказной тон и нежелание пускаться в объяснения, он всегда и во всем был на стороне Кизякова. Он подсказывал, учил, диктовал и гневался лишь тогда, когда Валентин Николаевич вдруг начинал артачиться. Гордыня, однако. Вот тогда Второй Номер мог замолчать и не давать о себе знать несколько дней. Это было огорчительно, понуждало к покаянным мольбам, потому что со временем Кизяков привык всецело на него полагаться. И то сказать, сколько ни было советов, а ни разу голос не ошибся! Все предсказания сбывались, все предлагаемые действия оказывались оптимальными. Этим, очевидно, и объяснялись самоуверенность и деланное безразличие Второго Номера: дескать, так и быть, пособлю тебе, непутевый. А где-то на задворках, у самого горизонта, вместе с тем погромыхивали грозные нотки: дело, конечно, твое, следовать совету или нет, но учти – кобениться станешь, тебе хуже будет!

Вот и сегодня с самого утра Кизяков ждал от Второго Номера ответа на вопрос «что делать?», все-таки ситуация чрезвычайная, не каждый день волосы выпадают, причем подчистую. И прислушивался он к себе не только для того, чтобы обнаружить следы зловредного вируса. Увы, голос безмолвствовал: ни шепота, ни звука.

Только сейчас он очнулся от летаргического сна, приказав Кизякову подставить себя под удары тарана и народного гнева.

– Так ты уйдешь или нет? – с ненавистью спросила Лыжная Шапочка.

– Нет, – обреченно молвил Валентин Николаевич и вдруг вскипел, послушно следуя за Вторым Номером: – Что рушить собрались? Они-то здесь причем? Ну, распродали парики по своим, заказы заныкали, так это в них врожденная корысть играет. Что, окажись на их месте, иначе поступили бы? Кто без греха, пусть бросит камень!

Пауза. И так же, как две тысячи лет назад, разжались руки. Кирпичные осколки посыпались на землю. Туда же отправилась скамейка-таран.

– Вам справедливости хочется? – грозно спросил Кизяков. – Так ее не здесь искать надо!

– А где? Где она, правда? – зарыдала женщина в бесформенной нейлоновой куртке с капюшоном, в котором она прятала облысевшую голову. Женщине было жарко: пот впереди слез градом катился по ее лицу.

- На свете правды нет! – со знанием дела сказала Интеллигентка.
- Она есть выше! – отчеканил Кизяков. – В эшелонах власти.

Валентин Николаевич чувствовал, что чаши весов застыли в равновесии. Выиграно несколько драгоценных секунд. Штурмующие потеряли темп, и только инерция заставляла их оставаться на тропе войны. Необходимо было продолжить разговор, и тогда ярость окончательно растворится в словах. Кизяков пробежался взглядом по толпе и спросил:

- Что радио говорит, интернет, знает кто-нибудь?

Дама-секретарь, пытавшаяся взять его «на карандаш», протиснулась в первый ряд.

- Околесицу несут. Всех по кочкам.

- А мэр? Рваков выступал?

- Дождешься от него! Ему не до нас. У него выборы на носу.

- А если мы его по носу? – крикнула Гренадерша.

В толпе раздались неуверенные смешки. Стали громче, грозя обернуться хохотом.

«Так-то лучше», – подумал Валентин Николаевич и воскликнул:

- Вот это мудро! По носу его! Туда идти надо, в мэрию. Там правда запрятана.

- Ты, что ли, поведешь? – спросила Лыжная Шапочка.

– Могу и я. Сами видите, у меня те же проблемы. – Кизяков наклонил голову, чтобы каждый мог убедиться в отсутствии на ней и намека на волосяной покров. – Годится?

- Чего базарить? – гаркнула Гренадерша. – Мужик и без волос мужик. Веди, Сусанин!

И они пошли. Сначала бесформенной толпой, потом колонной по трое, построенной вновь проявившей недюжинные организаторские способности дамой-секретарем. Покончив с перестановками, она пристроилась к Кизякову, шагавшему, как и положено, во главе.

– Валентин Николаевич. Кизяков. Инженер, – представился Валентин Николаевич Кизяков. – А как вас звать-величать?

- Рассохина. Ольга Михайловна. Учительница старших классов. Химичка.

«Подойдет», – оценил Второй Номер.

– Очень приятно, – чуть склонил голову Валентин Николаевич. – А не кажется ли вам, уважаемая Ольга Михайловна, что тротуар для нас слишком узок?

Не дожидаясь ответа, Кизяков ступил на мостовую. Рассохина, не колеблясь, последовала за ним. А там и все женщины передислоцировались на дорогу, где, как на строевом плацу, споро и без спешки перестроились в ряды по шесть человек. Без повелительных окриков Ольги Михайловны и тут не обошлось. Ну, командир! Майор, не меньше.

От проезжей части собственно проезжей осталось всего ничего, так что автомобилям пришлось выворачивать на встречную полосу. Там тоже машин хватало, поэтому возникла пробка – не чета непробиваемым столичным, конечно, однако более шумная. Это московские да питерские водители давно смирились со своей незавидной участью, они просто сидят, ждут и дергаются за метром метр, а в Красногорске народ к заторам толком еще не привык, потому и сигналил, ругался, в общем, сотрясал воздух.

– Вы что, ополоумели? – шофер в спецовке распахнул дверцу потрепанного непогодой и временем самосвала. – Куда претесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.